

Коммуникативная роль

Автор: доктор филолог. наук, проф. Кравченко Наталья Кимовна.

Коммуникативная роль – параметр персонального и институционального дискурса, сложный лингвокоммуникативный феномен, который ориентирован на активацию определенного компонента в языковом и коммуникативном сознании участников общения в соответствии с 2-мя группами факторов: а) относительно статическими – типом коммуникативной ситуации с фиксированным набором переменных: социальными (социальный статус, тип социальных отношений), культурными (традиции), личными (возраст, пол, психологический тип) характеристиками интерактантов; б) факторами ролевой динамизации (встречной ролью, учетом коммуникативного поведения собеседника, изменений локального контекста, экстралингвистических ситуативных факторов, влияющих на ход общения). Основными компонентами теории ролей являются субъект (Self / Ego), объект (the Other / Alter) коммуникации и коммуникативная ситуация (Environment / Situation), которые совместно и уточняют социорольевые проявления личности в интеракции. Концепт "роль" включает две составляющие: ментальную (осмысление роли) и поведенческую (исполнение роли). Характеристики К.Р. – «шаблонность» взаимных прав и обязанностей, ролевые «ожидания», «фиксированность стандарта поведения», в том числе речевого, заданность социальными характеристиками личности: ее социальным статусом, возрастным, гендерным и другими факторами. Параметры роли: лингальные, прагматические и когнитивно-концептуальные. Когнитивной основой роли являются предикативные признаки фрейма-сценария коммуникативного поведения, «закрепленного» за ролевым инвариантом. Прагматическая составляющая коммуникативных ролей – особенности соблюдения / нарушения их исполнителями кооперативных максим, использования дискурсивных импликатур, применения стратегий негативной и позитивной вежливости, максим вежливости, актов, которые «угрожают лицу» собеседника; косвенных речевых актов, выбор стратегий, употребление манипулятивных форм воздействия на интерактанта, хеджирования, митигации и т.д. Основоположниками теории ролей считаются американский социальный психолог и прагматик Дж. Мид, а также антрополог Р. Линтон, которые ввели понятие «роль» в научный оборот. Основные аспекты изучения ролей в нелингвистической традиции: а) постулирование связи роли и статуса: роль – как динамический аспект социального статуса, направленный на выполнение прав и обязанностей, закрепленных за конкретным статусом: нет ролей без статуса и статуса без ролей; б) рассмотрение личности и ее роли как «условного» продукта глобальных интеракций: Мишель Фуко обосновывает социальную и ролевую идентичность субъектов как «сконструированные» категории, продукт доминантных дискурсов (подход, далее развитый критическим дискурс-анализом). Субъект дискурса является фрагментированным,

рассредоточенным (dispersed). Каждая новая роль связана с привлечением новых дискурсивных элементов и отмечается скоротечностью, многообразием (адаптивностью), притворством; в) рассмотрение личности и ее роли как «условного» продукта локальных интеракций: Э. Гоффман определяет роль как «перформанс», игру, «представление себя» (impression management) и «презентацию себя» (presentation of the self) согласно требованиям окружения и адресата. Выбор ролей обосновывается как процесс изменения фреймов в течение интеракции. Так, в речевом действии «извинения» главный участник как бы распадается на две части (т.е. проигрывает две социокоммуникативные роли): виновного в совершении поступка и того, кто осуждает этот поступок, признавая принятые правила поведения.

Вслед за философией и социологией в современной коммуникативно ориентированной лингвистике К.р. рассматривается как результат действия дискурсивных факторов как глобального, так и локального характера. С одной стороны, на процесс активации и изменения коммуникативных ролей влияют культурно-информационные процессы, социальные, культурные, этнические, психологические параметры ролевой дифференциации коммуникантов. С другой стороны, «приобретение» и использование К.Р. продиктовано потребностями интеракции: именно ролевая категоризация побуждает участников к дальнейшему разговору или, наоборот, удерживает от общения. В связи с этим, существует две противоположных тенденции в исследовании К.Р. как дискурсивного феномена. Первое представлено школами микроанализа дискурса (конверсационный анализ, «анализ членства категоризации», этнометодология), которые фокусируются на изучении интеракциональной организации дискурсивных ролей, т.е. того, каким образом взаимная ролевая категоризация побуждает участников к продолжению интеракции, задавая ее направление, или, наоборот, удерживает от дальнейшего общения. Центральным понятием конверсационного анализа является turn-taking – попеременного взятия речевого хода посредством мены коммуникативных ролей (см. также п. «конверсационный анализ» и «мена К.Р.». Выводы по ролевой дифференциации участников разговора основываются на наблюдении за их

коммуникативной поведением, которое изменяется в зависимости от того, как та или иная ролевая категория идентифицируется, поддерживается, игнорируется, опровергаются участниками в процессе интеракции. Вне рамок такого описания остается влияние на интеракция и смену коммуникативных ролей ситуативных и культурно-информационных процессов.

Второе направление (критический дискурс-анализ, нарративный анализ, социолингвистические подходы, современная лингвистическая генристика) фокусируется на изучении макропараметров ролевой дифференциации коммуникантов. В частности, в «каноническом» нарративном анализе в основе выделения ролей персонажей положены функции, которые они выполняют в развитии сюжета: герой, лжегерой, вор, помощник, жертва, искатель, даритель.

Нарративной подход к анализу К.р. апробирован на материале политического дискурса, в котором политики рассматриваются как типичные персонажи, выполняющие стереотипные функции в развитии политического сюжета выборов, переговоров, скандала. «Теория позиционирования» изучает К.р. в ракурсе взаимосвязи локальных рассказов «про себя» с «базисными» нарративами – универсальными культурными сценариями, интертекстуальными сюжетными линиями, в формате которых личность сознательно или подсознательно себя позиционирует. Аспектом нарративного анализа К.р. служит выявление того, насколько взаимосогласованным является использованные культурные сценарии и ассоциированные с ними роли участников. Критический дискурс-анализ изучает К.р. как проявление институциональной субъектности, рассматривает в качестве прототипной основы К.р. концептуальные и идеологические фреймы участников – с фокусировкой на асимметричности коммуникативных прав ролевых субъектов вследствие их социально-статусной неравенства (по признакам пола, этническими, классовыми,

профессиональными характеристиками). Статусные компоненты К.р., определяющие ассиметричные права говорящих, исследуются как основная характеристика институционального дискурса, где коммуниканты представлены не столько как личности, сколько как носители определенного социального статуса (В.И. Карасик), что выявляется в их ролевых характеристиках как агентов и клиентов институтов. При изучении К.р. критических лингвистов интересует, прежде всего, дуализм отношений между структурой и деятелем: свободен ли субъект в конструировании собственной ролевой идентичности или такое конструирование зависит от институциональных структур власти, и субъекты насильственно размещаются в пределах существующего дискурса (например, клиент и врач в терапевтическом дискурсе). Определяющая роль доминантных дискурсов в ролевой идентификации (самоидентификации) субъектов проиллюстрирована парадоксальным примером Н. Фейрклау, который продемонстрировал, как в процессе медицинского опроса пациент может позиционироваться научным медицинским дискурсом не как «лицо», а как «случай» (case). Интеракционная социолингвистика изучает К.р. и их ассиметричность в дискурсе как в ракурсе институциональных отношений, так и в связи с различиями коммуникативных и культурных фоновых знаний коммуникантов. Современной генристикой обосновывается связь между К.р. и речевым жанром, который изучается как макропараметр коммуникативной ситуации, влияющий на роли участников. В частности, Ф. Бацевич отмечает: «Адресант, строя определенный РЖ, представляет себя как носителя соответствующего статуса и исполнителя соответствующей речевой роли» [19, с. 134]. В частности, эго-состояния, установленные Э. Берном (родитель, взрослый, ребенок) определяют как основные коммуникативные позиции, на которые ориентированы определенные жанры. Так, социально-ролевые особенности Взрослого проявляются в жанрах анкеты, заявления, объявления, протокола, лекции, научной статьи, доклада, приглашения, дискуссия; Ребенка – в жанрах жалобы, восхваления, молитвы, ссоры,

ламентации, восхищения; Отца - о в наставлении, предостережении, распоряжении.

Таксономии коммуникативных ролей – дискурсивная характеристика и инструмент исследования в дискурс-анализе, позволяющий установить жанр дискурса, его институциональные или персональные характеристики, жанровую гибридность, лингвопрагматические и концептуальные особенности.

По типам ролевой коммуникации Е. Ф. Тарасов выделяет такие группы ролей: а) по признаку определенности, фиксированности ролевой структуры – роли нормированные (общение командира и подчиненного ему солдата) и ненормируемые (общение рядовых граждан на улице); б) по признаку соблюдения / несоблюдения социальных (этических) норм – роли, санкционированные обществом (общение продавца и покупателя в магазине), и несанкционированные ("беседа" грабителя с жертвой ограбления); в) по признаку типичности для данного общества: роли стандартные (общение врача с пациентом) и нестандартные (поучения взрослых подростком).

Распространенной Т.к.р. является распределение ролей на статусные, позиционные и ситуационные:

1) Статусная роль характеризует относительно постоянный статус коммуниканта, который он имеет от рождения как принадлежность к определенному полу, вероисповеданию, этносу.

2) Позиционная роль соответствует месту человека в обществе (профессии, социальному статусу).

3) Ситуационная роль вариативна и зависит от конкретной ситуации (покупатель, пассажир, руководитель, подчиненный, пациент, друг, жертва, обидчик и т.д.). Ситуационные роли делятся на специфические и диффузные (личностные). Условия "проигрывания" специфических ролей – внешние обстоятельства, в рамках которых происходит усвоение правил общения:

пассажир, зритель, посетитель музея и другие. Диффузные роли определяются ценностными / нравственными ориентирами личности: друг, враг, порядочный человек и другие. В рамках таких ролей формируются ценностные нормы, усваиваются моральные ценности общества.

По мнению некоторых исследователей, статусная роль определяет «модус» позиционной роли (например, роль «учителя» будет различным образом проигрываться мужчинами и женщинами). Ситуационные роли также «усваиваются» и «проигрываются» в соответствующей «статусной реакции» - в зависимости от пола, возраста и других статусных ролей.

Нечеткость традиционной классификации и, соответственно, сложность отграничения ее членов, заключается, на наш взгляд, в том, что любую роль можно считать статусной – согласно существующим дефинициям статуса как устойчивого положения в социальной системе, данного от рождения или приобретенного в результате собственных усилий (роль – динамический аспект социального статуса, направленный на выполнение закрепленных за ним прав и обязанностей). Кроме того, любая личность является носителем нескольких, иногда противоположных или родственных статусов, поскольку выступает членом различных групп, объединений или институтов, в которых занимает определенные позиции. Например, одна и та же личность способна «проигрывать» такой набор ролей, как «преподаватель», «мама», «ученый», «сестра», «кума», «член жилищного кооператива», «душа компании». Все перечисленные роли приобретены индивидом в течение жизни и, согласно определению (см. выше), могут считаться статусными. И, напротив, за одним статусом может быть закреплена совокупность ролей – ролевой набор (например, преподаватель может играть роли друга студентов, наставника, эксперта, демократа, провокатора и др.). Выделение «статусной роли» как отдельного члена ТКР представляется возможным при ограничении понятийного объема этого термина и его толковании как «реализации социального или межличностного доминирования интерактантов». При

таком понимании статусная роль выступает переменной характеристикой общения и проявляется индексированными в интеракции отношениями доминирования, равноправия или субординации.

Альтернативной Т.к.р. может служить классификация Г. Сакса, разработанная в ракурсе задач конверсационного анализа. Исследователь выделяет: а) категориальные идентичности (роли) («демократ», «знакомый», «врач», «пациент», «учитель»); б) оперативные идентичности (роли) («заботливая мать», «добрая хозяйка», «материально обеспеченный») в) реляционные или «семейные» идентичности (роли) («мать - дочь», «муж - жена», «друг - друг»). Исследователь не предлагает набора признаков для разграничения предложенных им ролевых типов. Вместе с тем, анализ, содержащийся в работах Г.Сакса, позволяет определить *категориальную роль* как ролевой инвариант, отмеченный стереотипами коммуникативного поведения в соответствии с психологическими, профессиональными, возрастными, гендерными и другими признаками. Такие инварианты конституируются принадлежностью к социокультурной категории (группе), которая достаточно стабильна и имеет додескурсивную основу в виде общих интересов, целей, задач, ценностей, норм поведения, набора поведенческих ролей. В отличие от категориальных, *оперативные* роли многократно меняются в ходе интеракции, задавая содержание речевых ходов интерактантов. Их можно рассматривать как вариативную трансформацию категориального ролевого инварианта либо как «случайные» ролевые позиции, подсказанные ходом интеракции.

Основное в концепции Г. Сакса – не столько разграничение ролевых типов, сколько обоснование того, как ориентированность участников на их использование обуславливает речевые ходы и направление разговора в целом. Изучение ролей в ракурсе этой концепции позволяет ответить на вопросы: а) в какую категорию распределяется личность в интеракции; б) каковы конвенциональные ожидания относительно нормального поведения

субъекта, распределенного в ролевую категорию; в) как отсутствие определенных «категориально связанных действий» маркируется и объясняется в интеракции; г) как категории сочетаются друг с другом (см. также «*анализ членства категоризации*» Г. Сакса).

В социологических исследованиях роли подразделяются на социальные и межличностные. Социальные роли имеют стандартизированный, безличный характер, основываются на правах и обязанностях, независимо от того, кто является исполнителем роли. Связаны с социальным статусом, профессией, видом деятельности (учитель, ученик, продавец); институциональными (имеющими отношение к институтам - например, брака, семьи: роли матери, дочери, жены), социально-демографическими (муж, жена, дочь, сын, внук) или биологическими (мужчина и женщина) характеристиками. По степени актуализации выделяются латентные (не актуализированы в данный момент) и активные (актуализированные) роли; по уровню идентификации личности с ролью – лично значимые и лично нерелевантные, т.е. второстепенные, дистанцированные от роли.

Социопсихологические классификации основываются на психологических характеристиках ролевых субъектов, обуславливающих их поведение в команде (экстраверсия / интроверсия, доминирование, решительность, интеллект). Примером такой таксономии служат типы коммуникантов, предложенные В.Б. Кашкиным: 1) доминантный коммуникант, который стремится завладеть инициативой, не любит, когда его перебивают, резкий, насмешливый, говорит громче, чем другие. Во время общения с ним применяется стратегия «речевого истощения»: паузы, быстрое формулирование своей позиции, вопросов, просьб и т.д., 2) мобильный коммуникант: легко вступает в разговор, меняет темы, общается много, интересно и с удовольствием, не теряется в незнакомой коммуникативной ситуации, 3) ригидный коммуникант, который испытывает сложности в общении при установлении контакта, после чего становится четким и

логичным. В диалогах с ним используется стратегия «разогрева» (вводная часть «о погоде», фатичное общения), 4) интровертный коммуникант: не стремится владеть инициативой, отдает ее, является застенчивым и скромным, скованным в неожиданной ситуации общения. В коммуникации с ним уместно осуществление фатической функции в вербальной и невербальной форме.

Основываясь на психотипологической классификации личностей, в лингвистических работах выделены такие ролевые инварианты, как: «помощник», «диктатор / жесткий руководитель», «профессор-интеллектуал», «победитель любой ценой», «душа коллектива», «независимый мыслитель», «романтик / идеалист», «игрок / новатор», «учитель / наставник», «сангвиник / любитель развлечься», «лидер / стратег», «доверенное лицо / доверенный друг».

Категория мены коммуникативных ролей в устном дискурсе – категориальная характеристика дискурса и базисная категория коммуникации, обобщающая координацию речевых действий коммуникантов по согласованию сценариев ролевого поведения и конструированию «общего» значения в интеракции.

МКР – одна из конститутивных категорий дискурса, механизмом реализации которой является функционирование встречных ролей как результата совместных ролевых ожиданий интерактантов относительно соответствующих ментальных и поведенческих компонентов, сценариев коммуникативного поведения; прогнозирование взаимных речевых ходов как результата предложения, приписывания, подтверждения, игнорирования, опровержения, демонстрации ролей, что определяет направление интеракции, выбор основных и дополнительных тем разговора.

Ролевой набор проигрывается в ситуации, содержащей определенные ограничения для исполнения ролей – ролевые требования (тип дискурса,

социальные отношения коммуникантов, степень их знакомства, уровень формальности, ситуативный контекст, социальные нормы и конвенции и др.), которые могут создавать: а) ситуацию сдерживания роли / role strain (трудности в выполнении роли), б) ситуацию конкуренции ролей / role competition (трудности в выборе роли): в) ситуацию конфликта ролей / role conflict (определяет, какая роль требуется в конкретной ситуации); г) ситуацию симметрии и равноправия ролей. Достижение взаимного ролевого позиционирования во время коммуникации называется локализацией роли. К числу сигналов МКР относятся: 1) вербальные (паузы, синтаксические конструкции, сигнализирующие возможность очередной смены ролей: метакоммуникативные элементы не так ли? ...правда? («'He's deserted you, hasn't he?' [Bellow 1970, 320]); 2) паравербальные (темпоральные, мелодические и динамические акценты, силенциальные акты); 3) невербальные (средства кинесики и проксемики); 4) функциональные (совершение, по крайней мере, одного коммуникативного хода); 5) содержательные (длительность речевого хода обусловлена тем, что говорящему должно быть позволено установить релевантность того, о чем он говорит).

В зависимости от типа разговорного дискурса выделяются асимметричные (роль первого интерактанта является доминантной, роль второго – субординационной) и симметричные ролевые позиции (роли обоих участников интеракции являются равноправными). Первые отличаются «регламентацией» МКР как в институциональном (врач-пациент, учитель-ученик, начальник-подчиненный), так и лично-ориентированном (разговор родителя с ребенком) дискурсе. При этом речевые сигналы МКР индексируют статусно-ролевые характеристики собеседников (исследователи называют информацию такого рода социально-дейктической). В частности, преимущественное право коммуникативной инициативы может проявляться в инициировании ходов в речевых ходах типа вопрос — ответ,

однонаправленном характере речевого обмена, посредством прямого или косвенного “назначения” следующего говорящего (в институциональной коммуникации с несколькими участниками) и использованием с этой целью речевых актов «структивов», перехватывании ходов собеседника, прерывании, наложении ходов, нерелевантных паузах, пропусках речевых ходов в ответ на просьбы и предложения, других «непредпочтительных» реакциях. Для индексирования коммуникативного статуса используются различные средства «личностной референции», формы единственного / множественного числа при обращении в процессе «взятия хода» (Говорите, пожалуйста; Говори!). Вторые (симметричные роли) характеризуются равноправным речевым обменом, его разнонаправленным характером, соблюдением «содержательного» критерия смены ролей (каждому говорящему «предоставляется время» установить релевантность того, о чем он говорит), возможностью “нулевой” регуляции, когда сами участники общения “берут слово».

Категориальная специфика МКР выявляется в конститутивной, формально-структурной и содержательной функции этого дискурсивного механизма как основы упорядоченности и развития разговорного дискурса. Согласно разговорному анализу и «механизму членства категоризации» Г. Сакса, ориентированность участников на использование коммуникативных ролей обуславливает их речевые ходы и прогнозирует направление и формально-содержательные характеристики разговора в целом. Совместное конструирование дискурса интерактантами основано на МКР и упрощенно может быть представлено следующим образом: роль (ее идентификация участниками / самоидентификация) - речевой ход в поддержку роли - речевой ход в противодействие роли - изменившаяся роль – новый речевой ход – и т.д. Предложение собственного ролевого сценария и ожидание от собеседника ответных ролевых действий (парных, встречных ролей) основано на способах категоризации говорящими себя и других. Мы считаем, что

теоретическим обоснованием дискурсивного потенциала МКР служит концепция Г. Сакса «анализ членства категоризации» (*membership categorization analysis*), хотя сам исследователь никогда не рассматривал предложенный им инструмент разговорного анализа в дискурсивном аспекте. Теория была разработана с целью обоснования этнометодологического принципа строгой упорядоченности естественной речи, однако позволяет, на наш взгляд, выявить лингвокогнитивную природу ожиданий интерактантами определенных сценариев ролевого поведения – особенно принимая во внимание, что МКР является основой упорядоченности диалогического дискурса.

«Механизм членства категоризации» (*membership categorization device*) включает два компонента: совокупность категорий (*collection of categories*) и правила применения (*rules of application*). Каждая категория предполагает определенный набор категориально связанных действий (*category bound activities*) и характеристик – естественных предикатов (*natural predicates*).

Например, существуют конвенциональные ожидания относительно нормального поведения участника дискурса в коммуникативной роли «должник» (речевые ходы «просьбы», «обоснования», «оправдания» и другие действия «подотчетного» характера). В то же время отсутствие таких «категориально связанных действий» будет маркированным в интеракции, нуждаясь в дополнительном объяснении – например, если заемщик начнет выполнять коммуникативный сценарий, ожидаемый от роли «кредитора» или «спонсора».

Нормативность речи как основной постулат разговорного анализа предопределяет, что ролевые субъекты являются представителями категорий, «подходящих» для осуществления определенной пары действий (предсказуемые наборы коммуникативных ролей): «обвинитель – жертва», «обвинитель – обвиняемый», «обвинитель – виновный», «ребенок –

взрослый», «начальник – подчиненный». Правила упорядоченности парных ролевых действий в виде проигрывания «встречных» ролей служит проявлением упорядоченности «естественной» диалогической речи и, шире, принципа релевантности, предполагающим определенную координацию деятельности говорящих.

Конститутивная функция МКР выявляется как в диалогической, так и в монологической речи, отличаясь различными механизмами реализации. В монологе – это мена категориальных ролей (ролевых инвариантов) или их расщепление на оперативные позиции на основе общности концептуальных характеристик инварианта и вариантов роли. В диалогической речи упорядочивающая функция МКР реализуется посредством: а) набора встречных ролей с общими ролевыми ожиданиями коммуникантов относительно сценариев коммуникативного поведения; б) прогнозирования речевых ходов интерактантов как результата предложения, приписывания, подтверждения, игнорирования, опровержения, демонстрации роли, что определяет направление интеракции, выбор основных и дополнительных тем разговора.

Рассмотрим специфику МКР как механизма обеспечения содержательной и формально-структурной связности монологического и диалогического текстов. Так, в монологах психологического романа Сола Беллоу «Герzog» ролевой инвариант главного персонажа «профессор-интеллектуал» определяется уровнем его образования (интеллектуал), родом деятельности (профессор, философ) и социопсихологическим типом («интуитивно-логического иррационального интраверта»). В то же время одним из оперативных вариантов категориальной роли «профессор-интеллектуал» является роль «ребенок». Гомогенность оперативного варианта и ролевого инварианта обеспечивается общностью пропозиций концептуального плана этих ролей: «беспомощность», «доверчивость» «наивность», «отсутствие практицизма», «неспособность принять решение».

МКР в виде реализации категориальной роли «профессор-интеллектуал» в оперативном ролевом варианте «ребенок» становится механизмом актуализации смысла, обосновывающего психологическую драму главного героя романа. Т.О. «неконвенциональный» сценарий ролевого поведения персонажа задает развитие дискурса в направлении раскрытия общности концептуальных характеристик проигрываемой им категориальной роли и ее оперативного варианта.

В диалогической речи мена аналогичных ролей имеет иное обоснование и служит средством «по-ходовой» упорядоченности парных ролевых позиций и связанных с ними речевых действий собеседников.

Так, если в речевой ситуации «консультация» один из интерактантов, выступающий в институционально обусловленной роли «профессора», вдруг начинает проигрывать «не статусную» субординационную роль «ребенка» с использованием жанров жалобы или квеситивов-просьб, инициирующих от собеседника речевое действие «помощи в виде совета» и т.д., такое ролевое поведение, «ненормативное» с точки зрения «механизма членства категоризации», будет нуждаться в объяснении. Наиболее вероятным обоснованием неконвенционального оперативного варианта будет «невыполнение» интерактантом «профессора» встречной институциональной роли в паре «профессор – студент» и предложение вместо нее «бытовой» роли «советчика», «сочувствующего» (оперативных вариантов ролевого инварианта «взрослый»). Выбор доминантной роли (например, в силу межличностного доминирования собеседника в психоэмоциональном, референтном или др. отношении) определяет навязывание собеседнику «парной» субординационной роли. Далее диалог будет развиваться либо в направлении сопротивления этой роли, либо согласия с ней, определяя выбор направления разговора, основных и дополнительных тем, порядка построения и развития секвенций, содержательную и формальную организацию коммуникативных ходов интерактантов.

ІНТЕГРАТИВНА МЕТОДИКА АНАЛІЗУ КОМУНІАТИВНИХ РОЛЕЙ У РОЗМОВНОМУ ДИСКУРСІ

В основу інтегративної методики рольового аналізу може бути покладена низка методик і прийомів дискурс-аналізу

Вивчення комунікативних ролей в ракурсі конверсаційного аналізу і «механізму категорії членства» [Jefferson, Heritage, Sacks, Schegloff 1974, 1977; Sacks 1992] дозволяє описати формальні структурно-семантичні характеристики ролей, а також порядок зміни ролей в діалозі як підтвердження його структурної упорядкованості і віддзеркалення послідовності розподілу комунікантів у рольові категорії.

Розглянемо певні особливості «turn-taking», які завжди є індекси-кальними для рольових характеристик комунікантів в аспекті виявлення (а) рівня домінантності / «підзвітності» і (б) дистанційності / близькості співрозмовників.

Зокрема, асиметричність / статусність або рівноправність інтерактантів виявляються через особливості порядку «взяття комунікативного ходу». Право комунікативної ініціативи як вияв статусного (соціального, комунікативного) домінування може індексуватися перехопленням кроків співрозмовника, перериванням, накладенням кроків, нерелевантними паузами, пропусками мовленнєвих кроків у відповідь на прохання і пропозиції, іншими «непреференційними» реакціями [Кравченко 2010, 20-27]. Для індексування комунікативного статусу, а також рівня «дистанційності / близькості» співрозмовників має значення засіб ідентифікації (наприклад, різниця у засобах звертання: «*You Moses Herzog?*» “*Ach, Moshe, you changed*») або пропуск компонента «ідентифікація» з переходом після привітання безпосередньо до викладу причини спілкування («*Hi, I'm calling to ...*»); використання підтверджуючих питань («*He's*

deserted you, hasn't he?" [Bellow 1970, 320], підтримуючих реплік, інших граматичних і лексичних засобів, які скорочують дистанцію між співрозмовниками ("Oh, come on, don't pull that stuff on me, Phoebe" [Bellow 1970, 321]), або, навпаки, підкреслюють її. У ролі останніх нерідко виступають формули імперсоналізації, встановлення примусу як загального правила («розвиток цього проекту має особливий інтерес для всіх сторін», «зазвичай так не поступають»), засоби хеджування [Lakoff 1972, 195] і мітігації, що впроваджуються за допомогою металінгвістичних операторів *so-called, like, true, real, rather, some feel that, largely, sort of, kind of, strictly speaking, a little bit, I suppose, I think, you probably*.

Для розподілу у рольові категорії має значення визначання того, у якому обсязі діалог відповідає моделі секвенцій, обумовленої типом мовленнєвої ситуації, й обґрунтування відхилень від моделі. Наприклад, репліка-звинувачення (як ініціююче висловлення) має генерувати таку «другу пару», як виправдання або спростування. У першому випадку розподіл у рольову категорію «винуватий» підтримується другим інтерактантом, у іншому випадку – спростовується і, замість цього, пропонується інша роль. Іноді замість очікуваної реакції може мати місце «нерелевантний» мовленнєвий крок. Така організація секвенції (тобто коли репліка у діалозі не контекстуалізована з попереднім мовленнєвим кроком співрозмовника) також вказуватиме на певні комунікативні ролі, зазвичай, з оцінним компонентом – «не с повна розуму», «такий, що убігає від відповідальності», «дуже хитрий» тощо.

Засіб оформлення мовленнєвих кроків у секвенціях також є важливим для розподілу учасників у ту чи іншу рольову категорію. Зокрема, ініціююча репліка-звинувачення (а також репліка-реакція) може бути оформлена як прямий мовленнєвий акт, що загрожує обличчю ("What do you want from him now? What are you here for?") [Bellow 1970, 319], або з дотриманням стратегій позитивної / негативної ввічливості.

Перспективним напрямом суб'єктно-рольового аналізу даних, отриманих на основі опису конверсаційної структури, може бути дослідження комунікативних ролей у ракурсі розробленої Г. Саксом методики «механізм категоризації членства» (*membership categorization device*) (зміни мовленнєвої поведінки учасників внаслідок їх експліцитного або імпліцитного розподілу у рольові категорії).

Розгляд концепції Г. Сакса у зазначеному ракурсі дозволив визначити такі елементи методики рольової категоризації:

1) Аналіз експліцитних і імпліцитних лінгвістичних засобів, значущих для взаємної ідентифікації учасниками розмови своїх категоріальних ролей.

2) Вияв рольових категорій і асоціативно пов'язаних з ними предикатів.

3) Аналіз значення ролей для розвитку інтеракції, тобто дослідження того, яким чином орієнтованість учасників на використання рольових категорій (їх підтвердження, посилення, спростування) впливає на вибір напряму розмови, головних і додаткових тем, визначає порядок побудови і розвитку секвенцій, що організують розмову, змістовні і формальні характеристики комунікативних кроків інтрактантів.

Наведемо окремі приклади. Зокрема, комунікативна роль «вихована людина» (у її можливих оперативних варіантах «помічник», «співчуваючий», «слабохарактерний», «не впевнений у собі» - залежно від контексту інтеракції і особистості того, хто розподіляє у рольову категорію) індексуватиметься тематичною складовою «пропонування допомоги або поради», формулами хеджування і мітігації; «ввічливими» перформативними висловленнями з інфінітивом (*Let me advise / recommend*), підрядними умови (*If I have permission to recommend (advise) you / If I have an opportunity to recommend*), використанням ухильних відповідей, формул невпевненості («I don't know», «I am not sure»), накладанням реплік у розмові, яке має підтримуючий співрозмовника характер; засобами, що виражають емоційність, розуміння, співчуття тощо.

Найважливішим елементом методу конверсаційного аналізу і методики «механізм категорії членства» є опис значення комунікативних ролей для розвитку інтеракції, змістовно-формальних характеристик розмови.

Найголовнішим моментом концепції Г. Сакса є аналіз значення взаємної ролевої ідентифікації комунікантів для організації розмови.

Розглянемо приклад зміни оперативних ролей, запропонований Г.Саксом [Sacks 1992, 327-328], де подружня пара виконує комунікативну роль «турботливий дітей», які «беруть на себе відповідальність» за літнього і нещодавно овдовілого Макса (наведені нижче приклади подаються у конверсаційно-аналітичній транскрипції, як у праці Г. Сакса). Ролі співрозмовників стають найбільш релевантною позицією у розмові, обумовлюючи низку секвенцій: «*пропозиція* (з'їсти шматочок / відпочити тощо) – *відмова*» («*Ethel: Bring some out//so that m- Max c'd have some too., Max: I don'wan'ny*») «*пропозиція – відмова з обґрунтуванням*» («*Ethel: Ouu Max have a piece, Max: When I get there I'll eat*»), «*наполегливе пропонування у формі квазі-загрози з боку одного із членів родини – спростування загрози*» («*Ben: Max, please. I don' wanche t'get si:ck, Max: I (won't) get sick*»). Г. Сакс зазначає, що «в різних пунктах відмови для того, щоб продовжити, суб'єкт має не просто знайти форму пропонування, але форму, підходящу для того, кому ви пропонуєте» [Sacks 1992, 327-328]. Саме серія таких повторних пропозицій «з'їсти оселедець», тобто послідовність організації реплік, обумовлених роллю «дорослих турботливих дітей», нав'язує Максу роль «старої упертої особи», «упертого старика, за якого вони відповідальні, ... оскільки він сам про себе не турбується» [Sacks 1992, 330]. У свою чергу, занадто наполегливі прохання вимушують Макса зайняти позицію «принципового опору» проти ролі «дитини, якою опікуються» («він доведе їм, що вони не можуть примусити його діяти за їх бажанням, інакше він ризикує перетворитися на їх маленького хлопчика) [Sacks 1992, 330].

Отже, орієнтованість учасників на використання певних рольових категорій («турботливих дітей», «дорослого самостійного члена родини», «упертого старого») – демонстрування, ігнорування, спростування комунікативних ролей обумовлює мовленнєві кроки інтерактантів і напрям розмови у цілому. І, навпаки, висновки щодо рольової диференціації співрозмовників основані в конверсаційному аналізі на зміні їх мовленнєвої поведінки у процесі інтеракції, що віддзеркалюється формально-змістовними характеристиками розмови.

На жаль, поза рамками конверсаційно-аналітичного опису залишається вплив на співрозмовників соціокультурних процесів, макроконтексту, що зумовлено дослідницькими принципами конверсаційного аналізу і, зокрема, заборонаю залучати для пояснення процесів в інтеракції широкий контекст (макроструктури) [Hester, Francis 2000, 391-413]. Водночас, саме такі процеси не в останню чергу пояснюють взаємний розподіл учасників у рольові категорії як когнітивний процес, що спрямовує інтеракцію і здійснюється навіть тоді, коли мовлення інтерактантів не містить експліцитних індексів їх рольової належності.

З огляду на це, інтегративна методика дослідження комунікативних ролей має включати, на наш погляд, окремі елементи методик макроаналізу дискурсу – зокрема, нарративного аналізу, критичного дискурс-аналізу, прагмалінгвістики, що фокусуються на інституційних, соціальних, культурних, етнічних, психологічних чинниках рольової диференціації комунікантів.

Зокрема, для підтвердження конверсаційно-аналітичних висновків доцільно залучати дослідницькі прийоми прагмалінгвістичних теорій: концепції кооперативних принципів і імлікатур Х. Грайса [Grice 1975, 41-58], феномену обличчя і ввічливості [Brown, Levinson 1987], в тому числі прийоми виявлення стратегій позитивної і негативної ввічливості, актів, що загрожують обличчю, і максим ввічливості. Наприклад, порушення максими

способу вираження нерідко проявляється у багатослівності, що, у свою чергу, обумовлено намаганням виконувати роль «ввічливої / вихованої» людини з незнайомцем або у ситуації статусно-рольового домінування, реалізуючи стратегію негативної ввічливості («Могу ли я вас попросить, если это, конечно, вас не затруднит ...»). І, навпаки, чим меншою є соціальна дистанція між співрозмовниками, тим менше у дискурсі негативної ввічливості і непрямих актів. Зокрема, використання стратегій позитивної ввічливості характерно для «родинно-дружніх» рольових категорій, стратегій негативної ввічливості (непрямих мовленнєвих актів, хеджування / мітігації тощо) – для інституційних ролей, статусно-рольових відносин. У ракурсі «феномену обличчя і ввічливості» доцільно розглядати також такі конверсаційно-аналітичні показники, як наявність / відсутність пре-секвенцій. Наприклад, пре-секвенції, спрямовані на виявлення обставин співрозмовника до того, як сформулювати прохання або пропозицію, відповідають стратегії негативної ввічливості, оскільки надають можливість для відмови у необразливій формі. Наявність у діалозі конверсаційних імлікатур як наслідку ігнорування максимум є індексом спільного фонду пресупозиційних знань, близького знайомства інтерактантів, що здатні зрозуміти частину невисловлених контекстуальних знань як члени вузької соціальної групи (комунікативні ролі із категорій «сім'я», «друзі», «колеги» тощо).

В ракурсі соціально-рольового розподілу доцільно також застосовувати елементи методики теорії мовленнєвих актів [Geis 1995]. У першу чергу, це стосується такого показника рольових позицій, як частотність вживання інтерактантами прямих або непрямих мовленнєвих актів. Зокрема, непрямі акти переважно використовуються в комунікативних ситуаціях, які відрізняються формальністю контекста (коли, наприклад, розмова відбувається між незнайомими людьми) і соціальною дистанцією співрозмовників (відмінностями статусу, віку, статі, освіти, соціального положення, роду занять, етнічної належності). В таких дискурсах непрямі

мовленнєві акти використовують передусім суб'єктами з менш домінантними ролями.

Відповідно до принципів *нарративного аналізу*, вибір комунікативної ролі і позиціювання себе та інших в інтеракції пов'язано не лише з локальним дискурсивним контекстом, але й з «базисними» сюжетними лініями, що визначають соціально-сконструйовану природу учасників інтеракції. Зокрема, рольові позиції співрозмовників можуть спиратися на базисний нарратив чарівної трансформації (Попелюшки, Гидкого каченяти та ін.), культурну модель «Роккі», «Тарзана» тощо.

Розглянемо приклад нарративного аналізу рольових позицій інтерактантів [Davies and Harre 1990, 43-63].

«*S: I'm sorry to have dragged you all this way when you are not well - E: You didn't drag me, I chose to come*».

1) *Лінія Сано* (чоловіка) з точки зору Сано – це історія медичного догляду, де Сано позиціонується як той, хто доглядає за хворим, а Енфермада (жінка) – як пацієнт. Це дія *співчуття*.

2) *Лінія Сано з точки зору Енфермади* – це історія надмірної опіки і контролю, де Сано позиціонується як сильний чоловік, а Енфермада – як слабка і залежна жінка. Йдеться про дію *поблажливості* і «індексикальної» образи Енфермади на Сано.

3) *Лінія Енфермади з точки зору Енфермади* – це історія спільної пригоди, де обидва учасника позиціоновані як мандрівники у чужій країні.

4) *Лінія Енфермади з точки зору Сано* – це протест феміністки, яка позиціонує Сано як «шовініста», а себе – як «суфражистку». Йдеться про дію *незадоволення* і про «індексикальну» образу Сано з боку Енфермади.

На підставі такого аналізу дослідники доходять висновку про те, що ці двоє людей знаходяться у ситуації сварки, оскільки кожний живе в історії, про яку не має гадки інший. Чоловік не прагне проявляти надмірну опіку і

контроль, а жінка – бути феміністкою, але «кожен з них захоплений владою сюжетних ліній, і асоційованих з ними позицій» [Davies and Harre 1990, 57].

Отже, в інтегративному описові комунікативних ролей і позицій в інтеракції можуть застосовуватись такі елементи методики нарративного аналізу:

1) Визначення інтертекстуальних сюжетних ліній або культурних сценаріїв, на основі яких здійснюється рольове позиціонування учасників діалогу.

2) Вияв суб'єктних ролей учасників, асоційованих з культурним сценарієм.

3) Встановлення рівня сумісності інтертекстуальних сюжетних ліній і асоційованих з ними рольових позицій учасників.

Внеском *критичного дискурс-аналізу* [Dijk 1998; Fairclough 2004] в інтегративну методику опису комунікативних ролей є визначення соціально-статусного параметру ролі та його обґрунтування в ракурсі виконання учасниками інституційно-специфічних цілей (основні орієнтири дослідження – асиметричність прав мовців, орієнтування суб'єктів на інститути, об'єднання інтерактантів в «стандартизовану реляційну пару», що включає «представника інституту» і «клієнта» з відповідним розподілом інституційно обумовлених комунікативних ролей).

Отже, методика аналізу комунікативних ролей у розмовному дискурсі включає: 1) визначення вербальних індексів ролі на основі аналізу структурних характеристик секвенцій у діалогах як результату взаємного розподілу комунікантів у рольові категорії, демонстрації, ігнорування, підтримки або спростування певних рольових позицій (конверсаційно-аналітичний підхід, елементи методики «аналіз категорії членства» Г. Сакса); 2) розгляд рольової категорії як сукупності асоціативно пов'язаних дій і характеристик-предикатів (концепція Г. Сакса); 3) визначення прагматичних індексів і характеристик ролі; 4) співвіднесення результатів попередніх

етапів опису з елементами методик нарративного й критичного дискурс-аналізу для встановлення «макроконтекстуальних» (інституційних, соціокультурних) чинників рольової диференціації.

Література

- 1.Кравченко Н.К. Методика анализа разговорного дискурса в ракурсе конврсационного анализа // Мова і культура. – К., 2010. – Т. 138. – С. 20-27.
- 2.Крегер О. Типы людей и бизнес / Отто Крегер, Дженет Тьюсон; пер. с англ. В.Г. Панова. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 457 с.
- 3.Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345p.
- 4.Davies B., Harré R. Positioning: The Discursive Production of Selves // Journal for the Theory of Social Behavior, 1990. – 20 (1). – P. 43-63.
- 5.Dijk v. T.A. Principles of Critical Discourse Analysis // The sociolinguistic Reader. – Vol. 2: Gender and Discourse / Ed. by Jenny Cheshire and Peter Trudgill. – London, New York: Arnold, 1998 – P. 367-393.
- 6.Fairclough N. Textual analysis for social research / N. Fairclough. – New York: Routledge, 2004. – 270 p.
- 7.Michael. L Geis. Speech acts and conversational interaction: Toward a theory of conversational competence. – Cambridge & New York: Cambridge University Press, 1995. – 248.
- 8.Grice H. P.: Logic and Conversation // In: Syntax and Semantics. – Vol. 3: Speech Acts / Ed. by Peter Cole and Jerry L. Morgan. – New York: Academic Press, 1975. – P. 41–58.
- 9.Heritage J. Conversation analysis and institutional talk // In.: Handbook of language and Social Interaction / Ed. by K.L. Fitch and R.E. Sanders. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2005. – P. 103-147.
- 10.Hester S., Francis D. Ethnomethodology, conversation analysis and “institutional talk” // In.: Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse. – 2000. – Vol. 20 (3). – P. 391–413 // <http://dx.doi.org/10.1515/text.1.2000.20.3.391>

11.Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // In.: Chicago Linguistic Society Papers. – Chicago, 1972. – № 8. – P. 183–228.

12.Sacks, Harvey, Schegloff, Emmanuel & Jefferson, Gail. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation // Language: Journal for the Linguistic Society of America. – 1974. – Vol. 50, № 3. – P. 696-735.

13.Sacks H. Lectures on Conversation / ed. G. Jefferson. – Oxford: Blackwell, 1992. - Vol.1, 2. – 254 p.

14.Saul Bellow. Herzog / B. Saul. – New York: Fowcett Crest Book, 1970. – 416 p.

15.Schegloff E.A., Jefferson G., Sacks H. The preference for self-correction in the organization of repair in conversation // Language: Journal for the Linguistic Society of America. – 1977. – Vol. 53. – № 2. – P. 361-382.